

УДК 338.24 ББК 65.050

Шестакова Наталья Николаевна –

канд. техн. наук, доцент,

Институт проблем региональной
экономики РАН, г. С.-Петербург

e-mail: nnshestakova@gmail.com

О СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СЕГМЕНТА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: трансплантация институтов, стратегическое управление, социальное пространство, образовательный сегмент социального пространства, трансформация образовательного сегмента социального пространства

В качестве исходного выберем следующий тезис: любые намечаемые трансформационные изменения должны базироваться на всесторонне продуманной и научно обоснованной стратегии планируемого к изменению процесса. В свою очередь, каждая стратегия должна покоиться на некоем институциональном каркасе, призванном служить опорой для всей стратегической конструкции, и принципиально не подлежащем изменению, по крайней мере, в рамках планируемого стратегического горизонта. Институциональный же каркас может быть сформирован различными способами. В последнее время в нашей стране это происходит преимущественно путем переноса (трансплантации) на российскую почву и укоренения на ней зарубежных образцов, представляющихся наиболее эффективными или целесообразными. Такие институты могут либо выращиваться на российской почве «с нуля» (по принципу «greenfield»), либо видоизменять/трансформировать имеющиеся отечественные институты (по принципу «backfield»).

При этом за образец чаще всего принимаются институты, позитивно показавшие себя в т.н. промышленно развитых западных государствах.

Трансплантация происходит практически во всех сферах общественно-экономической жизни:

в сферах науки и промышленности пересаживаются, например, кластеры, малые инновационные предприятия (МИПы);

в жилищной сфере – ипотека;

в области образования прививается Болонский процесс (во всей совокупности его проявлений);

в части предпринимательства на ранних стадиях перехода к рыночной экономике использовались различного рода бартерные схемы (пример акад. В.М. Полтеровича) и т.д.

Подобные модели можно найти в банковской сфере, в сфере сберегательных институтов, в управлении общественным сектором и проч.

Между тем, несмотря на все прилагаемые лоббистами (через государство) усилия по насаждению этих разнообразных трансплантированных институтов в российскую действительность, далеко не все они «приживаются». «Трансплантированные институты часто “не приживаются” или “болеют”», – указывает, в частности В.М. Полтерович [10, с.25].

Как правило, результаты пересадки институтов зависят от ряда факторов, способствующих <потенциальной> приживаемости и последующему расцвету одних трансплантированных институтов, деформации либо более или менее жесткому отторжению других. «Результаты трансплантации определяются взаимодействием трех групп факторов: а) социокультурными характеристиками; в) начальными институциональными и макроэкономическими условиями; с) выбором технологий трансплантации.

<...> При удачной трансплантации за относительно короткий период происходит позитивная адаптация института к новой институциональной и культурной среде: институт выполняет в стране-реципиенте ту же роль, что и в экономике–доноре» [10].

В качестве еще одного важного фактора, определяющего эффективность процесса трансплантации, В.М. Полтерович называет «вмешательство нерыночных сил, прежде всего государства» [10].

Авторский коллектив Я. Кузьмин - В. Радаев – А. Яковлев – Е. Ясин придерживаются по этому поводу иного мнения: «Чтобы культивирование институтов оказалось успешным, требуются как минимум три элемента: достаточное время; специальные усилия; частичные компромиссы» [3, с. 16–17].

Между тем, как показывает практика, пересаживание институтов не дает ожидаемых результатов. «Нередко, – отмечает В.М. Полтерович, – трансплантированный институт оказывается дисфункционален, “не работает” в новых условиях» [10].

Применительно, например, к российской ситуации в части заимствования судебных и политических институтов в качестве основной причины неудачи он указывает «несовместимость преобразований с господствующими в стране-реципиенте неформальными нормами. <...> неудача российских экономических реформ коренится в особенностях социокультурных характеристик российского общества, унаследованных от советского периода и препятствовавших эффективной реализации “импортируемых” норм рыночного поведения» [10 со ссылкой на 5, 6, 7, 13].

Сценарий развития событий в случае неудачи, как правило, типичен и выглядит следующим образом:

- заявляется, что найден институт-«панацея», узловой и т.п. для решения какой-либо актуальной проблемы, например, для запуска инновационной экономики;

- выделяются <как правило, значительные> средства на реализацию заявленной идеи на практике; подстраивается законодательная база, при необходимости налоговая система и т.п.;

- под «новым флагом» формируются или, что происходит чаще, имитируются <требуемые> результаты, в реальности представляющие собой небезызвестные потемкинские деревни (например, научно-производственные объединения объявляются кластерами);

- опытным путем устанавливается неэффективность этих импортируемых институтов-«панацей»;

- возникает т.н. институциональная ловушка (продолжение насаждения нового института, сопровождающееся вложением средств vs откат на старые позиции);

- затухание и <тихое> сворачивание объектов, запущенных под флагом панацеи;

- объявление новой панацеи и т.д.

Однако описанный процесс нельзя определить как спираль, он больше напоминает движение по кругу.

Примерные варианты подобных схем (без акцента на окончательный результат «успех/провал») описаны, например, тем же авторским коллективом Я. Кузьмин – В. Радаев – А. Яковлев – Е. Ясин.

Заметим, что мы исключили из объектов исследования категорию целей, поскольку они во всех без исключения случаях носят <номинально> прогрессивный характер, преследуют благие прообщественные и/или проэкономические цели.

В целом же процесс привнесения различного рода институтов на новую для них почву можно, по нашему мнению, уподобить метеоритному дождю, падающему на Землю <взаимодействию метеоритного дождя, направляющегося к Земле, с его атмосферой>: одни метеориты/институты, пробивая атмосферу, вонзаются в земную поверхность, вызывая возмущения. Другие – сгорают в атмосфере, не долетев до поверхности и не оставив каких-либо существенных следов; третьи же «увязают» в атмосфере, провоцируя турбулентность. Сообразно этой аллюзии пространство вокруг трансплантатов, зацепившихся в атмосфере или на земной поверхности, видоизменяется: оно может деформироваться (например, вытягиваться – сжиматься или расширяться – сужаться и т.п.), менять свои контуры, терять состояние устойчивости, приобретать одни либо утрачивать другие свойства, etc.

Обратимся к исследованию заявленного образовательного сегмента социального пространства, включая установление границ управляемости этого сегмента как объекта стратегического.

Отталкиваясь от тезиса о подавляющем превалировании в современной системе образования достаточно новых привнесенных (трансплантированных) институтов, следует говорить о том, что большинство из них, плохо/слабо «укореняясь» (термин Кузьмина – Радаева – Яковлева - Ясина [4]) на российской почве, провоцируют формальные органы управления всех уровней на попытки предусмотреть максимально возможное количество потенциальных вариантов процесса укоренения/ насаждения вновь вводимых и/или недавно введенных институтов и, тем самым, определить границы и, траектории вероятного развития событий. Органы, принимающие управленческие решения, пытаются унифицировать эти процессы путем оформления и закрепления алгоритмов/ протоколов действий, участников процессов и т.п. в регламентирующих документах, тем самым ограничивая акторов, долженствующих фактически реализовывать процесс трансплантации, в известном смысле жестким «прокрустовым ложем» подконтрольного пространства посредством производства циркуляров и иных форм бюрократического управления, регулирования и организации.

Довольно детально рассматривает примеры не слишком удачной трансплантации институтов или институциональные конфликты в сфере высшего образования на опыте присоединения России к Болонскому процессу, например, И.В. Воробьева [2]. Она приводит четыре примера «приживаемости» или «приживления» импортированных в составе Болонского процесса институтов.

1. Принятие системы легко понимаемых и сопоставимых степеней. Фактически же это положение приняло вид конфликта между «старой», традиционно существовавшей в России иерархией образовательных уровней (плавно перетекающих в научные) и их результатов (специалист со средним специальным образованием → специалист с высшим образованием → кандидат → доктор наук) и новой двухуровневой системой образования, завершающейся присвоением степеней бакалавра и магистра. Ясности по вопросу отличий квалификации бакалавра от специалиста с высшим и/или средним профессиональным образованием, или от магистра нет до сих пор ни у работодателей, ни у населения. Как показал опрос, проведенный Исследовательским центром рекрутингового портала SuperJob.ru среди 1000 представителей отечественных организаций и предприятий [1], 35% работодателей приравнивают кандидатов со степенью бакалавра к претендентам, имеющим неполное высшее образование; 8% же рассматривают их наравне с претендентами, имеющими среднее специальное образование. Некоторые респонденты весьма непосредственно характеризовали бакалавров как «недоделанных специалистов». «Смотрю на вуз, выдавший

диплом. Провожу усиленную проверку»; «Предпочитаем специалистов, закончивших магистратуру, хотя все относительно...» – комментируют они. 13% россиян воспринимают бакалавриат практически как среднее специальное образование: «И даже ниже, так как в колледжах профессиональная подготовка выше, чем в вузе». Та же путаница сегодня имеет место с соотношением степеней магистра и кандидата наук, подбора аналога докторской ученой степени в западной научной иерархии.

2. Принятие системы, основанной на двух циклах обучения – достепенного и послестепенного (*undergraduate & graduate studies*). В реальности исполнение этого положения, подразумевающего свободу выбора магистерских программ вне зависимости от профиля полученного на уровне бакалавриата образования, спровоцировала конфликт на уровне организации учебного процесса между профильными (или имеющими необходимые для последующей углубленной подготовки, ориентированной на выполнение исследовательских функций базовые знания, навыки и умения) студентами и непрофильными, или сменившими специальность магистрантами, такими базовыми основами не располагающими.

3. Учреждение системы кредитов (обеспечивает перезачетную и накопительную функции, используется в приложении к диплому (*Diploma Supplement*)). В российской действительности подразумеваемая под этим вариативность траекторий индивидуального обучения и смещение акцента в направлении самостоятельной работы студентов натолкнулось на исторически присущие отечественному образованию правила формирования строгого расписания и устойчивых студенческих групп. Это привело к компромиссному отечественному варианту «пакетного» предоставления набора дисциплин в рамках 2-3 образовательных траекторий.

4. Содействие мобильности: устранение препятствий для свободного перемещения студентов, преподавателей, исследователей и управленцев. Претворение этого принципа в практику натолкнулось, как минимум, на два препятствия. Во-первых, непроработанность самого принципа начисления и учета кредитов в различных отечественных вузах. Во-вторых, фактическое отсутствие открытого рынка трудоустройства ввиду сохраняющейся непризнаваемости дипломов, выданных подавляющим числом российских вузов.

Важным компонентом Болонского процесса является также использование компетентностного подхода при оценке результатов завершения образовательных программ, что формально закреплено в ФГОС. Однако в действительности оценка достижимости этого результата осуществляется на основе прежнего подхода: через комплекс «знания-умения-навыки».

В целом И.В. Воробьева вполне справедливо, по нашему мнению, комментирует текущую ситуацию с переходом к Болонскому процессу: «Реализация основных принципов и направлений Болонской декларации

в российском образовательном пространстве происходит с большими сложностями и поправками на существующие реалии. <...> в действительности плюсы <Болонской системы> становятся минусами из-за сложностей их реализации, отсутствия технологии их практического воплощения, несоответствия реалиям. Таким образом, получается, что многие положения в теории смотрятся неплохо, а на практике мы имеем дело с формальным воплощением заявленных идей, которые остаются удачными только на бумаге. <...> многие специалисты-исследователи согласны с тем, что Болонский процесс продолжит реализацию в российских вузах, но «на свой манер» [2].

Обратим внимание: те же процессы возникновения институциональных конфликтов происходят и на границах образовательного сегмента социального пространства. Примером тому может служить наблюдаемая сегодня попытка повсеместного внедрения профессиональных стандартов (как сопряженных с ФГОСами институтов) [11, 12]. С одной стороны, простая логика свидетельствует о возможности введения такого рода инноваций, с другой же стороны, - отсутствие для этого какой-либо базовой инфраструктуры (органов, а также процедуры независимого оценивания и т.п.) не просто затрудняет имплантацию, но и провоцирует разного рода перекосы, равно как и порождает чрезмерную бюрократизацию при внедрении всей конструкции.

Изложенное свидетельствует об институциональных конфликтах или о сбоях в процессах трансплантации или не достижении поставленной цели именно на уровне управления этими процессами, а также о стремлении к установлению в отечественной практике искусственно расширительных границ управляемости, по крайней мере, в рамках образовательного сегмента социального пространства.

Список литературы:

1. 43% работодателей бакалавров от магистров не отличает [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.superjob.ru/research/news/1270/>
2. Воробьева И.В. Парадоксы реализации принципов Болонского процесса в российском образовательном пространстве // ВЕСТНИК РГГУ Серия «Социологические науки» № 2 (103), 2013. С. 74–79.
3. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможность культивирования институциональных изменений) // Вопросы Экономики. – 2005. – № 5. – С. 5–27.
4. Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: От заимствования к выращиванию: Опыт российских реформ и возможное культивирование институциональных изменений. М.: ГУ–ВШЭ, 2005, 54 с., с. 16–17.

5. Левада Ю. Человек лукавый: двоемыслие по-российски: Мониторинг общественного мнения. (ВЦИОМ). 2000. № 1 (45);
6. Олейник А. Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход // МЭиМО. 1997. № 12; 1998. № 1;
7. Олейник А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 206–209;
8. Ослунд А. “Рентоориентированное поведение” в российской переходной
9. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы, ЦЭМИ РАН и РЭШ, М.: 1999, 37 с., с. 4, 11.
10. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов// Экономическая наука современной России, 2001, № 3, с. 24–50, с. 25.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
12. Федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации»
13. Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. and Schankerman M. Measuring Governance, Corruption and State Capture. Policy Research Working Paper, No. 2312, The World Bank Institute, 2000. 44 pp.